

Н. В. Трофимова

ИЗУЧЕНИЕ УРАЛЬСКИХ КНИЖНО-РУКОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ТРАДИЦИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 1970—2000-х гг.

N. V. Trofimova

STUDY OF THE URAL BOOKISH HAND WRITTEN THE MONUMENTS OF OLD RUSSIAN TRADITION IN THE WORKS OF THE RUSSIAN RESEARCH WORKERS OF 1970—2000ss

Автором представлен обзор основных трудов, в которых вводятся в научный оборот памятники древнерусской книжно-рукописной традиции, проливающие свет на историю развития духовной культуры старообрядческого населения Урала.

Ключевые слова: *духовная культура Урала, старообрядческое рукописное наследие, книжно-рукописные традиции, археография.*

The author gives the review of basic works, in which the bookish hand written tradition monuments of Old Russian tradition of bookish manuscripts, revealing the history of Old Believer intellectual culture development in the Ural, are introduced for scientific use.

Keywords: *intellectual culture of the Ural, Old Believer manuscript heritage, traditions of bookish manuscripts, archaeography.*

В 1960—1970-х гг. отмечается возрастание научного интереса к проблемам общественного сознания и духовной культуры России эпохи феодализма¹. Особое внимание уделялось формам проявления социального и политического протеста под религиозной оболочкой. Именно так понимался советской исторической наукой и религиозный раскол середины XVII в.²

В ходе начавшихся в 1970-е гг. на Урале регулярных археографических экспедиций был вскрыт значительный пласт книжно-рукописных памятников, созданных в старообрядческой среде. Н. Н. Покровский отмечал: «Новые памятники литературы, относящиеся к старообрядческому населению Урала и Сибири XVIII в., свидетельствуют, что в этой крестьянской по своему характеру среде не только интенсивно переписывались традиционные сочинения древних авторов, но и создавались оригинальные произведения различных жанров»³.

Обнаруженные археографами произведения старообрядцев сохраняли древнерусскую книжную традицию. Старообрядцы в своем литературном творчестве на протяжении всего своего существования постоянно опирались на такие пласты письменных источников, как тексты Священного писания и византийской святоотеческой литературы, произведения древнерусской литературы (тексты Нила Сорского, Иосифа Волоцкого и др.). Потому, например, в догматико-полемиической литературе старообрядцев Урала, как и Поморья и Сибири, значительную роль играли сочинения известного публициста и писателя XVI в. Максима Грека⁴, святого Нифонта, епископа Констанцкого⁵ и др.

Характерным признаком древнерусской книжной традиции является и жанровая специфика старообрядческих сочинений — исторических, догматико-полемиических, эсхатологических⁶.

В ходе археографических экспедиций была осознана культурная и научная ценность выявленных книжно-рукописных памятников древнерусской традиции. За их выявлением и научным описанием⁷ последовало планомерное введение их в научный оборот. Н. Н. Покровский впервые предпринял общий анализ памятников старообрядческой письменности, обнаруженных в урало-сибирском регионе в ходе археографических экспедиций во второй половине 1960-х гг. Автор исследовал два исторических сочинения, выявленных сибирскими археографами: «Рукопись о древних отцах» (XVIII в.), повествующая о событиях первой половины XVIII в., а также «Родословие часовенного согласия» (XIX в.) о. Нифонта. В настоящее время известно пять списков этого памятника. Четыре списка хранятся в собрании Новосибирских археографов, следы пятого списка, зафиксированного в Туве в 1966 г., утеряны. По замечанию Н. Н. Покровского, все списки «Родословия» заметно отличаются друг от друга по составу, а иногда — по стилю и полноте, что объясняется крайней децентрализованностью часовенного согласия и сохранением среди переписчиков часовенных книг древнерусской традиции, свободным обращением с материалом переписываемого памятника⁸.

Попутно заметим, что традиция создания исторических сочинений в среде уральских беспоповцев начала складываться уже во второй половине XVIII в., а «Родословия» вообще были наиболее

распространенным способом изложения исторических сочинений на Урале. Основная причина этого была в стремлении обосновать преемственность «истинного благочестия, а также «сама идея родовой преемственности была близка и понятна крестьянскому сознанию»⁹.

Наряду с историческими сочинениями Н. Н. Покровский привел сведения об эсхатологических и полемических сочинениях уральских и сибирских крестьян 70—80 гг. XVIII в. Ученый отметил, что обобщая данные сборников, других старообрядческих сочинений и материалы судебно-следственных дел, можно, несомненно, констатировать, что крестьянская старообрядческая литература Урала и Сибири в XVIII в. была достаточно обширна и многообразна. Памятники ее бережно хранились в крестьянских избах, затерянных в тайге заимках и скитах. Несмотря на все розыски, конфискации, гонения со стороны официальной церкви, в конце XIX в. еще существовало весьма значительное количество произведений этой литературы¹⁰.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. уральские археографы также приступили к введению в научный оборот результатов исследования найденных книжно-рукописных источников. В статье Р. Г. Пихои и А. Т. Шашкова были проанализированы читательские и владельческие записи на рукописных и старопечатных книгах XVI—XVII вв., свидетельствующие о зарождении книжных собраний на Урале, о начальном этапе становления книжно-рукописной традиции в крае. Кроме того, эти записи способствовали изучению среды бытования и путей миграции рукописных и печатных книг¹¹. Те же проблемы исследовал Н. П. Парфентьев, вводя в науку обширные материалы древних певческих рукописей¹². Этапы зарождения и развития личных книжных собраний на Урале, на примере библиотеки Строгановых, рассматривались в работах Н. А. Мудровой¹³. А. Т. Шашков представил подробные кодицилогические заметки о сочинении Максима Грека, вошедшем в сборник, ранее принадлежавший нижегородской старообрядческой часовне. Автор установил протограф сборника, место создания и время появления его на Урале¹⁴.

Успехи в камеральной археографии были вызваны значительными находками в ходе полевых экспедиций. Во время археографической экспедиции в Курганской области летом 1978 г. у потомков старообрядцев-поморцев был обнаружен очередной памятник исторической мысли — «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири». В 1980-х г. свердловскими археографами был найден еще один список «Рукописи о древних отцах», «Истории про древнее благочестие» (XVIII в.), а также несколько списков ряда родословий, неизвестных ранее. Это родословие филипповцев нижегородского Поволжья, родословие урало-сибирских поморцев, часовенных Зауралья о. Валентина (все — XIX в.) и поморцев Вятки. К этой группе примыкают еще несколько произведений, которые не являются собственно историческими, но включают в себя соответствующие исторические экскурсы. Это «Письмо из Сибири» Т. Заверткина, еще один список коллективного сочинения «Послания о вере»

М. И. Галанина и «Соборное уложение» часовенных Зауралья 1840 г.

Первые общие сведения о «Родословии поморской веры на Урале и в Сибири» были даны в совместном докладе В. И. Байдина и А. А. Гриненко на конференции, посвященной изучению истории Оренбургского края. Исследователи определили, что автором произведения был один из мастеровых златоустовских заводов второй половины 50-х г. XIX в., также дали краткую структурную характеристику сочинения, выявив его источниковую основу, которой стали предания уральских поморцев, воспоминания наставника одной из старообрядческих общин Челябинского уезда С. К. Тельминова. По их мнению, это сочинение «можно считать продуктом скрытой полемики между различными направлениями урало-сибирских старообрядцев». Общий вывод о роли памятника обусловлен ведущей тогда марксистско-ленинской методологией: «Это произведение отражает специфику общественного сознания трудящихся масс, включая элементы наивного монархизма, своеобразно переплетающиеся с антифеодальным протестом, идеалы демократической церковной организации, религиозный практицизм и т. п.»¹⁵.

А. Г. Мосин провел содержательный анализ «Родословия филипповского согласия», используя его как один из источников для выявления специфики книжной культуры и рукописной традиции русского населения Вятского края¹⁶. И. В. Починская продолжила изучение данной темы, предприняв специальное изучение памятника¹⁷. Поморские исторические сочинения были рассмотрены Н. С. Гурьяновой¹⁸.

В. И. Байдин ввел в науку данные о рукописном сборнике, в составе которого находилось сочинение М. И. Галанина и его единомышленников к зауральским старообрядцам. В науку оно получило название «Послание о вере»¹⁹. Первые сведения об этом полемическом сочинении М. И. Галанина ранее сообщил Н. Н. Покровский²⁰. По мнению В. И. Байдина, данное сочинение «свидетельствует об установившейся беспоповской практике в этом районе». Исследователем были сделаны первые заметки о «Родословии истинной веры», обнаруженном археографической экспедицией Уральского государственного университета в Свердловской области в период полевого сезона 1977 г.²¹ Как отметил В. И. Байдин, составлено оно было в 1871 г. черноризцем Валентином. Сочинение воссоздает историю часовенного согласия в Зауралье с целью объяснения поворота к беспоповщине и предшествует по времени более позднему «Родословию часовенного согласия» о. Нифонта, уже ранее изученному Н. Н. Покровским.

В 1977 г. на Ирюме свердловскими археографами была обнаружена рукопись, содержащая «Соборное уложение Тюменского собора, бывшего в лето 7341 ноября 13» и «Ответы соборные христианам». Датировка, а также палеографический и тщательный содержательный анализ «Соборного уложения» были проведены В. И. Байдиным. Также исследователь привел сведения о сборнике, найденном в Талицком районе Свердловской области

и включающем: «Слово Иоанна Златоуста о лжеучителях», послание старца Филофея Псковского Елизарова монастыря к Ивану Грозному, эсхатологическое сочинение, статьи Стоглава о брадобритии и о «супротивном» знамении. Анализ содержания «Слова о лжеучителях», которое было направлено против реформы управления государственными крестьянами П. Д. Киселева (1837—1841 гг.), а также соотнесение указанных в тексте фактов с конкретно-историческими реалиями эпохи позволил датировать сборник началом 40-х гг. XIX в. В данном памятнике В. И. Байдин видит призыв к борьбе или пассивному сопротивлению — бегству: «За эсхатологическими предсказаниями старообрядческих сочинений проступали ненавистные крестьянству утеснения чиновников всех рангов, ухудшение условий жизни и угроза хозяйственной самостоятельности»²².

В. И. Байдин привел краткие сведения и о найденном старообрядческом сочинении «Увещевание, бывшее в духовной консистории и ответ Мартина к архимандритам и попам». Как отметил исследователь, «Сочинение служило не только пропагандистским целям, показывая пример стойкости старообрядца, но и пособием по вопросам догматики и вероучения в прениях с православными миссионерами»²³. Открытым пока остался вопрос о месте создания сочинения.

Анализ комплекса исторических источников, представленный В. И. Байдиным, показал, что старообрядческая организация и идеология активно эволюционировали. Это развитие было обусловлено «сложным противодействием местной торгово-промышленной верхушки, готовой пойти на компромисс с самодержавием, и трудящихся старообрядцев, традиционно враждебно настроенных по отношению к феодальному государству и официальной церкви»²⁴.

Так, введение старообрядческих сочинений расширило круг источников для изучения духовной культуры и общественного сознания самых демократических слоев населения Урала и Сибири. Н. С. Гурьянова отмечала, что «эти сочинения можно рассматривать как явление общественного сознания: в них нашел отражение некоторый результат процесса социального познания довольно большой социальной группой — радикального крыла русского старообрядчества. Такой подход позволяет выявить особенности проявления сознания данной группы»²⁵. П. И. Мангилёв писал: «Рассмотрение старообрядческих исторических сочинений как явления отечественной историографии представляет известный интерес. С одной стороны, любопытно было бы посмотреть, как были преобразованы старообрядцами традиции древнерусской книжности, какое развитие они получили в оппозиционном государстве и официальной церкви социально-религиозном движении. С другой стороны, их изучение важно для понимания исторического сознания эпохи»²⁶.

В 1990—2000-х гг. продолжилось введение в научный оборот результатов исследования книжно-рукописных памятников, обнаруженных в ходе археографических экспедиций. Исследование личных архивов староверов, включающих библиотеки,

их дневники, переписанные и собственные сочинения, было предложено Н. А. Мудровой. Автор описала поступившие в ЛАИ УрГУ материалы из архива екатеринбургского старообрядца М. В. Нечехина²⁷, а также обратила внимание на необходимость изучения архивов уральских старообрядческих наставников И. А. Благинина, Г. Ф. Логинова, М. О. Лаптева. О. С. Коршунова провела обзор произведений стародубского старообрядца И. Алексея из собрания ЛАИ УрГУ, которые были очень популярны в среде уральских староверов²⁸. Крупным монографическим обобщением завершился этап исследования поздних памятников и традиций древнерусского церковно-певческого искусства Н. П. Парфентьевым²⁹.

В работе Е. А. Полетаевой впервые предметом специального исследования стал агиографический репертуар старообрядческой книжности Урала. Выявить региональную специфику житийной литературы на примере собраний ЛАИ УрГУ автор пыталась путем ее сравнения с памятниками Русского Севера. По наблюдениям исследователя для агиографии Урала характерно «тяготение к древнерусской традиции» и влияние Выговской книжности. Как для Русского Севера, так и для Урала характерна популярность агиобиографий пустынных отцов. Уникальным является лицевой агиографический сборник собрания ЛАИ УрГУ 70-х гг. XVIII в. Отслеживая эволюцию жанра на Урале, автор утверждает, что в конце XIX и первой половине XX вв. происходит «раскрепощение» агиографического жанра в уральско-сибирской рукописной традиции. Это проявляется в создании местных памятников житийного характера как в среде часовенных, так и в различных толках поморского согласия. В приложении к работе автор приводит сведения о житиях святых, бытовавших на Урале, что позволяет значительно расширить источниковую базу³⁰.

П. И. Мангилёв выявил и представил первичное исследование старообрядческого Цветника³¹ 1849 г. из фонда библиотеки православной духовной семинарии. Автор изложил наблюдения о времени и месте создания рукописи, об исторических событиях, ставших источником для ее создания. Исследователь в найденной рукописи видит «интересный памятник старообрядческой письменности, тесно связанный с книжной традицией часовенных Урала». По убеждению автора изучать данный памятник необходимо в контексте именно этой традиции³².

В заключение отметим, что процесс введения в научный оборот уральских книжно-рукописных памятников древнерусской традиции, получив импульс еще в 1960-е гг., успешно развивается и в настоящее время. На сегодняшний день общественность имеет широкий доступ к основным памятникам исторической и публицистической мысли старообрядцев. Это, в свою очередь, способствует сохранению книжно-рукописного наследия региона и является источниковой основой для исследований по истории и культуре уральских старообрядческих согласий (часовенных, поморцев и др.).

Примечания

1. Напр., см.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. — М.,

1967; Клибанов А. И. Народная социальная утопия. Период феодализма. — М., 1977.

2. Напр.: Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Спецкурс. — Ч. 1. — Калинин, 1971; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—XVIII вв. — М., 1972. — С. 362—364.

3. Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII в. // ТОДРЛ. — Т. 30. — Л.: Наука, 1976. — С. 182—183.

4. Об этом см.: Шашков А. Т. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII в. Урала, Поморья и Сибири // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала XVIII — начала XX вв. — Свердловск: УрГУ, 1979. — С. 28—39.

5. Об этом см.: Полетаева Е. А. Слова святого Нифонта в рукописях древлехранилища ЛАИ УрГУ // Уральский сборник: История. Культура. Религия. — Вып. 1. — Екатеринбург, 1997. — С. 134—145.

6. См.: Соболева Л. С. Свообразие старообрядческой словесности Урала // Дергачевские чтения — 94. Русская литература: процесс национального развития и региональные особенности. — Екатеринбург, 1994. — С. 8—10.

7. Об этом см.: Трофимова Н. В. Изучение уральских памятников и традиций древнерусского искусства в трудах отечественных исследователей (1970—2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. — Челябинск, 2011. — С. 30—60.

8. См.: Покровский Н. Н. Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири XVIII в. // Вопросы истории книжной культуры. — Вып. 19. — Новосибирск, 1975 — С. 51—57; Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе... — С. 165—183.

9. Байдин В. И., Шашков А. Т. Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII—XIX вв. // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. — Свердловск, 1988. — С. 8.

10. См.: Покровский Н. Н. Новые находки произведений крестьянской литературы... — С. 51—57; Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе... — С. 165—183.

11. Пихоя Р. Г., Шашков А. Т. Записи на рукописных старопечатных книгах XVI—XVII вв. собрания Уральского университета // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала... — С. 21—27.

12. Парфентьев Н. П. Певческие крюковые рукописи на Урале XVII—XIX вв. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала... — С. 73—84; Парфентьев Н. П. Крюковые певческие рукописи в собраниях Свердловской области // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. — Т. 35. — Л.: Наука, 1980. — С. 425—429; Парфентьев Н. П. Крюковые певческие рукописи уральских собраний // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры: сб. науч. ст. — Ч. 2. — М.: Наука, 1982. — С. 82—83; Парфентьев Н. П. Памятники древнерусского певческого искусства в собраниях Урала // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. — Т. 40. — Л.: Наука, 1985. — С. 440—447.

13. Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых и зарождение книжной редакции на Урале // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников... — С. 88—95.

14. Шашков А. Т. Тагильский сборник сочинений Максима Грека (кодицилогические заметки) // Рукописные традиции XVI—XIX вв. на востоке России. — Новосибирск, 1983. — С. 4—14.

15. Байдин В. И., Гриненко А. А. «Родословие поморского согласия» — сочинение по истории старообрядче-

ства на Севере Оренбургского края в XVIII—XIX вв. // Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII—XIX вв. — Свердловск, 1983. — С. 141—142.

16. Мосин А. Г. Исторические сочинения старообрядцев Вятского края во второй половине XIX — начале XX вв. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. — Свердловск, 1983. — С. 104—112; Мосин А. Г. Круг чтения крестьян, горожан и мастеровых Вятского края XVII — первой половины XIX вв.: общие и специфические черты // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. — Свердловск, 1986. — С. 117—130; Мосин А. Г. Крестьянские библиотеки на Вятке в XVII — первой половине XIX вв. // Книга в России до середины XIX века. — Л., 1985. — С. 62—63.

17. Починская И. В. О бытовании родословия филипповского согласия на Вятке // Общественная мысль и традиция русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. — Новосибирск, 2005. — С. 424—430; Починская И. В. Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы (вторая половина XVIII—XX вв.) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. — Екатеринбург, 2000. — С. 47.

18. Гурьянова Н. С. Поморские исторические сочинения XVIII в. // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 92—102.

19. Название было предложено А. Т. Шашковым и В. И. Байдиным. См.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. — Т. 1. — Вып. 1. — Екатеринбург, 1991. — С. 33, 50 (Памятники письменности Урала).

20. См.: Покровский Н. Н. Новые находки произведений крестьянской литературы... — С. 53; Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе... — С. 179.

21. Байдин В. И. Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества конца XVIII — первой половины XIX вв. // Сибирское источниковедение и археография. — Новосибирск, 1980. — С. 102—103.

22. Байдин В. И. Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40-е гг. XIX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала... — С. 90—96.

23. Байдин В. И. Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества... — С. 107.

24. Там же. — С. 103.

25. Гурьянова Н. С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. — Новосибирск, 1988. — С. 4.

26. Мангилёв П. И. Исторические представления русских старообрядцев-беспоповцев // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения посвященные памяти А. Л. Станиславского. — М., 1991. — С. 161.

27. Мудрова Н. А. Архив Мокея Варфоломеевича Нечеухина — уральского старообрядца // V Уральские археографические чтения. — Екатеринбург: УрГУ, 1998. — С. 47—48.

28. Коршунова О. С. Сочинения старообрядческого писателя XVIII в. Ивана Алексея в собрании Уральского государственного университета // Первые Татищевские чтения. — Екатеринбург, 1997. — С. 199—201.

29. Парфентьев Н. П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI—XX вв.). — Челябинск: Чел. Дом печати, 1994. — 446 с.

Искусствоведение и культурология

30. Полетаева Е. А. Круг агиографических памятников Урала в контексте старообрядческой культуры // Взаимодействие книжных традиций Поморья, Урала и Сибири в XVI—XX вв. — Екатеринбург, 2002. — С. 48—99.

31. Цветник — сборник, в котором собраны различные извлечения из творений отцов церкви и авторитетных старообрядческих писателей.

32. Мангилёв П. И. Старообрядческий «Цветник» 1849 г. из библиотеки Екатеринбургской православной духовной семинарии // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. — Новосибирск, 2005. — С. 416—424.

Поступила в редакцию 1 июля 2012 г.

ТРОФИМОВА Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры искусствоведения и культурологии, Южно-Уральский государственный университет. Область научных интересов — историография древнерусского искусства и его традиций на Урале. E-mail: trofimowa-n@mail.ru

TROFIMOVA Natalia Vasilievna, Candidate of Science (History), senior lecturer of the Department of Art Criticism and Cultural Studies of South Ural State University. Research interests: historiography of Old Russian art and its traditions in the Ural. E-mail: trofimowa-n@mail.ru.